

ВЕЧНАЯ ТЕМА В НОВОЙ ВАРИАЦИИ

НАЗВАНИЕ пьесы С. Алешина «Тема с вариациями», возможно, даже наверняка, подтолкнуло режиссуру на сценическое истолкование драмы. Да, вечная тема и вечные ее вариации...

Она, эта тема, возникнет первоначально как бы исподволь, как бы невзначай, в приглушенном, словно бы неизвестно откуда идущем звучании старинной музыки. Прислушиваясь к ней, вы вглядываетесь в то, что предстает вам в странном и прекрасном мире, созданном художником Э. Стенбергом на сцене, — театр в театре, завораживающая загадка кулис, волшебю опускающийся в глубины складки занавесов, тусклое отсвечивающее зеркал, за которыми будут гримироваться артисты, внезапно вышедшие к своим рабочим местам безмолвные гримеры, бутафоры, костюмерши, молча подошедшие к вешалкам с одеждой разных эпох, к камзолам, тунникам, плащам...

Вспомнит Александр Блок. «Театр — это нежное чудовище, которое берет всего человека, если он призван, грубо выкидывает его, если он не призван. Оно в своих нежных лапах и баюкает и треплет человека, и надо иметь воистину призвание, воистину любовь к театру, чтобы не устать от его нежной грубости...»

Спиной к зрителям, на широкой, грубой скамейке, как бы подчеркивающей скудость первого, реалистического плана, опустив голову, сидит человек. Потом к нему присоединяется еще двое. Несмотря в зрительный зал. Объявив правила игры — сейчас они, трое участников представления, не считая безмолвных работников театра, покажут спектакль о Любви.

Объявив это, отправятся в глубину сцены, к тускло отсвечивающим зеркалам, к костюмам, в которых они будут играть.

Всего трое — Ростислав Плятт, Маргарита Терехова, Сергей Юрский. Дебют на московской сцене, режиссерский и актерский, ленинградца С. Юрского.

Митгаз, 1979, 20авг

Отвлечемся на минуту. Еще мельнают и по сей день в оценках театральных явлений древние стереотипы, этикетные клише-долгостипы: «театру удалось преодолеть недостатки пьесы и создать...» или, напротив, «театру не удалось преодолеть недостатки пьесы и создать...» Все это — неправда. Нельзя, преодолев недостатки драматургии, создать полноценный спектакль, это утопия. Чудо. А если чудо и случается в кои веки, то из то оно и чудо.

Для самой отважной режиссерской фантазии надобны надежная стартовая площадка, хорошая взлетная полоса. Иначе — вынужденная посадка, а то еще и похуже. И еще важно совпадение авторского и режиссерского маршрутов. Тогда — выигрыш.

В спектакле Театра имени Моссовета оказался именно этот, последний вариант. Театр вышел на поиск, опираясь на точный авторский замысел и на прочную драматургическую основу.

Рамки представления расширены, введены интермедии, театр в театре, кулисы, «нежное чудовище», вечная загадка, магия сценических метафор и метаморфоз — артист Плятт, игравший артиста Плятта, становится рядовым адвокатом, опытным юристом, терпеливо констатирующим в чужих житейских невзгодах; и вот он, внезапно изменивший голос, походку, одежду, — буфонный персонаж из декадероновской повелли; и он же, застегнутый на все пуговицы, — влюбленный Маттиас Клаузен из гауптмановской драмы «Перед заходом солнца»; и, наконец, ростановский Сирано де Бержерак, правда, тут небрежным жестом артист отказывается от протянутой ему костюмершей шляпы с пером, это он будет играть без грима, без шапки, без плаща, то, что раздражало в жизни одинокого московского адвоката, слишком близко по аналогии, и не надо тут ничего подчеркивать...

Рамки представления расширены не только введением интермедий, есть и иные дорогие находки, и полет фанта-

зия режиссера увенчался удачей потому, что был старт — пьеса с драматическими поворотами, большая мысль с несущими ее персонажами, выхваченная из жизни, во всяком случае подсказанная ею, иногда очень грустная правда. К этой пьесе, вероятно, можно подобрать другой ключ, она выдержит и иные, возможно, вполне бытовые решения, но меня, например, по-настоящему увлекло именно это. И рад заметить, что оно, решение это, не уходит от пьесы, нет — открывает заложенные в ней сценические перспективы.

Решение поэтическое с самого начала, уже после того, как была проиграна увертюра — пришел быт, случай: у памятника Пушкину в конкретном южном городе Симферополе случайно познакомилась молодая женщина-экскурсовод, немолодой юрист и другой юрист, молодой, но уже в достаточной мере обремененный цинизмом. Но и он не в силах противостоять пушкинской стихии, даже он, следом за двумя другими, наперебой вспоминает стихи Пушкина, стихи о любви. Есть в этом чтении поначалу что-то чрезмерное — не много ли тут, не затянута ли, вы даже поначалу поживаетесь от этой истинности режиссера, ведь это не литературный вечер, идет действие драмы, а артисты — да-да, именно артисты, играющие спектакль о любви, — увлеклись, забыли обо всем на свете, и Пушкин, только Пушкин... И вот уже вы почувствовали в этой чрезмерности нечто моцартовское, и подчиняетесь замыслу, и вместе с артистами с наслаждением окунаетесь в бездонную и безмерную пушкинскую стихию. И чрезмерность уже кажется художественностью...

В пьесе есть, что очень существенно, точно очерченные характеры, и среди них — адвокат, становящийся рыцарем,

когда пришел его час, — да нет, он всегда был рыцарем, если сумел выделить главное в том, что он видел в жизни, главное и самое человеческое, а он видел многое: и ложь, и лицемерие, и грязь...

Я люблю Плятта как зритель и очень обязан ему как автор, он играл не однажды в моих пьесах и всякий раз вызывал чувство большой авторской признательности.

Тут Плятт играет очень ново, напряженно следишь за не всегда легкими, но неизменно артистичными движениями, за удивительно разнообразными оттенками его преходной сценической речи, за мыслью, за чувством — «существует» он поистине проникновенно и глубоко.

Прекрасно растущее от спектакля к спектаклю дарование и мастерство Маргариты Тереховой, неординарность ее игры, светлая пушкинская печаль, с какой перевоплощается она в милую провинциальную молодую женщину, когда-то стремившуюся на сцену и к счастью в любви... Ее внезапное перевоплощение в повелле Боккаччо исполнено лукавства, обязательной стилизации. Искренность, страсть и чистота любви юного существа Инкен Петере в драме Гауптмана... И Роксана в момент прозрения. Все это играет как вариация все на ту же тему...

Что сказать об артисте С. Юрском в роли молодого адвоката? Режиссер С. Юрский оказался глубоко прав, назначив на эту роль артиста С. Юрского.

Успех на премьере был настоящий. Я пришел смотреть спектакль второй раз. Кто-то спросил в антракте: «Второй раз? Зачем?» Проверить первое впечатление. А главное — для наслаждения.

Есть еще такой веский аргумент в нашем эстетическом восприятии произведения искусства.

Александр ШТЕИН